

«РУССКАЯ ПАРАДИГМА» И ЕЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: К 15-ЛЕТИЮ ЦЕНТРА РУСИСТИКИ БУДАПЕШТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. ЛОРАНДА ЭТВЕША*

Динамичное развитие мира в последние 20 лет сделало необходимым пересмотр истории в Центральной и Восточной Европе и новое определение места в ней России. С одной стороны, страны региона стали частью единой Европы, интеграция в которую сопровождалась отказом от коммунистического прошлого и пересмотром политического порядка, сформировавшегося после Второй мировой войны. С другой, – распад СССР совершенно естественно поставил перед Россией необходимость поиска своего места в мире и в данном (постсоветском) регионе. Процессы интеграции и дезинтеграции государств в регионе сопровождались ростом национального самосознания, поиском идентичности, который отнюдь не всегда был связан с полноценным движением общества вперед. Истекшие 20 лет позволяют подвести итоги этой социальной трансформации, понять, что было в ней закономерного, а что случайного, что необходимо сохранить, а от чего можно отказаться. В настоящее время стала очевидна необходимость отказаться как от старых стереотипов времен холодной войны, так и от некоторых идеологизированных конструкций так называемого посткоммунистического транзита, тем более что последний привел к существенно различным результатам в странах постсоветского региона¹.

Эти общие политические и культурные тенденции нашли выражение в пересмотре «образа России» в странах Центральной и Восточной Европы – процессе, который российская политическая мысль, конечно, не должна оставить без внимания. Этот образ, негативно окрашенный в период декоммунизации, начал трансформироваться: во-первых, уже нельзя говорить о его единстве для всех стран; во-вторых, он получает различную идеологическую окраску у разных (правых, центристских и левых) политических сил; в-третьих, его динамичные изменения связаны с прагматическими соображениями – от поставок российского газа до отношений региона со «старой» Европой и США. Складывается впечатление, что возрождение российской государственности и растущая способность России поддерживать стабильность в мире вызывают позитивное отношение в условиях дестабилизации мировой экономики и роста прагматизма в политике государств региона. Данная тематика, далекая от чисто научных исследований и связанная скорее с информационными войнами, включает в себя, однако, определенный научный компонент: выяснение того, насколько тиражируемые современной пропагандой представления и образы массового сознания соотносятся с научной картиной мира и могут быть подтверждены или опровергнуты на доказательном уровне.

В этом контексте представляет интерес ряд трудов, изданных Центром русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша под редакцией его руководителя профессора Дюлы Свака, появление которых ознаменовало 15-летие существования этого престижного научного учреждения. В центре внимания авторов (среди которых представлены не только ученые Венгрии и России, но практически всех стран региона, а также известные американские и западноевропейские специалисты по русской истории) оказываются следующие проблемы: образ России с центральноевропейским акцентом²; место России в Европе и Азии³; государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе⁴. К числу этих изданий можно присоединить и труд самого Свака «Русская парадигма. Русофобские заметки русофила»⁵. Их объединяют не только единство проблематики и круга обсуждаемых вопросов, но и предлагаемые авторами ответы.

* Свак Д. Русская парадигма. Русофобские заметки русофила. СПб., Алетейя, 2010. 176 с.; Образ России с центральноевропейским акцентом. Будапешт, 2010. 190 с.; Место России в Европе и Азии. Будапешт; М., 2010. 300 с.; Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе. Budapest, Russica Pannonicana, 2009. 365 с.

Вопреки вынесенной на обложку первого из этих трудов характерной фотографии из серии «Руины России», восточноевропейские авторы проекта по изучению образа России пришли к нестандартному для многих коллег выводу: с одной стороны, романтические мечты стран региона натолкнулись на суровую реальность капиталистических будней; с другой стороны, выяснилось, что сильная Россия лучше слабой; что имидж страны не является столь негативным, как он представлен в западной печати; что Россия в нынешнем своем состоянии не угрожает государствам региона; более того, что с Россией можно и нужно сотрудничать, причем в выигрыше окажется тот, кто сумеет осознать это раньше других и добиться практического понимания «русской души». Сотрудничество, полагают авторы рассматриваемых трудов, возможно на прагматической основе и предполагает лавирование между США, старой Европой и Россией, а также с учетом позиций внутри региона.

Все сказанное иллюстрирует дилеммы стран региона Центральной и Восточной Европы и, на первый взгляд, не представляет непосредственного интереса для самой России, которая до последнего времени предпочитала обращаться скорее к ведущим игрокам мировой политики, нежели к государствам, находящимся в орбите их влияния. Однако в этих рассуждениях, значение которых усиливается тем обстоятельством, что проект получил поддержку Международного Вышеградского фонда, важны не столько их новизна, сколько смелость и откровенность сделанных признаний. Особенно важно признание, что образ России в странах Центральной и Восточной Европы является искаженным, то, что этот искаженный образ выполняет определенную функцию – воспроизводит до сих пор узнаваемый массовым сознанием образ врага (в странах Западной Европы), служит для проведения психотерапии с собственным населением (например, в Польше) или способствует оправданию собственных неудач, а также легитимирует специфические националистические и этнические конструкции и предпринимаемые элитами попытки пересмотра истории (например, в Прибалтике и до недавнего времени на Украине), наконец, выполняет определенные мобилизационные функции (обосновывая курс на ускоренную евроинтеграцию или вступление в НАТО). Систематизация особенностей негативного образа России позволила польскому автору Т. Зарицкому выявить следующие его внутривнутриполитические функции: 1) точка отсчета для переоценки слабого развития этой страны по сравнению со странами Запада; 2) фактор усиления европейской идентичности Польши; 3) объединяющая нацию угроза; 4) закрепление за Россией роли угнетателя как основы формирования основанной на жертвенности польской идентичности; 5) оправдание представления о России как сфере исключительной компетентности поляков в их отношениях с Западом и, одновременно, объяснение виктимизации польского сознания в целом⁶. Важный момент в этих спорах, отмечает А. Силади, – значимость образа России в отношениях и противоречиях между государствами региона, когда они решают «кто кого переглядит»⁷. Сюда относятся и различные выкладки о том, вернется ли Россия в Центрально-Восточную Европу, каков будет характер этого возвращения и что оно даст отдельным странам региона⁸. В целом имидж России становится значимым элементом в обеспечении в регионе доверия. «Тот, кто когда-либо имел дело с русскими, – резюмирует эту дискуссию Д. Свак, – точно знает, что отрицательное мнение, которое русские часто составляют о самих себе, не является достаточной причиной для того, чтобы и другие разделяли эту оценку»⁹.

Фактор манипулирования историей (в том числе подчеркнутое внимание к одним фактам в ущерб другим) для достижения политических целей часто ведет к неожиданным последствиям. Этим вызвана парадоксальность ряда историографических конструкций в странах региона: те, кто рассматривает Советское государство как колониальную империю, должны признать, что, следовательно, являлись колониями и не должны удивляться, если российская историография начинает смотреть на них теми же глазами; те, кто сознательно примитивизирует российский политический процесс в истории и современности для доказательства того, что Россия не знала альтернативы авторитаризму и не имела гражданского общества, не могут рассчитывать на иной

подход, кроме как подход с позиций силы. Ведь в России также есть люди, полагающие, что выстраивать отношения с государствами региона следует исходя из того, как они воспринимают Россию. Незначительные и суетливые действия политических элит отдельных стран Восточной Европы, отмечают авторы, не всегда понятны восточному соседу: Россия смотрит на регион глазами великой державы и не способна, в силу своей природы, делать это иначе. Следовательно, создаваемые историографией образы прошлого с положительным или отрицательным значением – важный самостоятельный ресурс современной политики. Особое место в начавшемся переосмыслении истории региона занимает Венгрия, что объясняется тремя причинами: 1) традиционно интеллигенция этой страны более чувствительна в отношении к новизне; 2) Венгрия всегда играла роль посредника или связующего звена между Россией и Западом; 3) конфликты этих стран в истории не настолько остры, чтобы помешать прагматичным отношениям на современном этапе¹⁰.

Сборник трудов «Место России в Европе и Азии», выпущенный Центром русистики Будапештского университета в ознаменование 15-летия его деятельности¹¹, поставил целью проследить сквозные линии русского исторического процесса. Среди ключевых тем – вопросы культурной идентичности и преемственности в российской истории (византийское, татарское и западное наследие); конфессиональной и церковной составляющей в национальном развитии; вызовы и ответы национальному развитию со стороны других народов и государств; проблемы межнациональных отношений – социальной и культурной адаптации народов в процессе завоевания и хозяйственного освоения территории империи. Вполне естественно, что эта проблематика вызвала к жизни тему границ империи и их расширения – отношения с государствами Западной и Восточной Европы и Азии, которая получила раскрытие с позиций «ментальной географии» – того, как иностранные (в частности, английские) путешественники воспринимали появление соперницы Британской империи, как они оценивали особенности политического, социального и экономического устройства государства. В контексте истории империализма анализируются направления колонизации (Сибирь и Дальний Восток, Средняя Азия), борьба с другими государствами за выход к рынкам, технологии власти и управления в сравнительной перспективе.

Авторы сборника не боятся ставить вопросы «метафизического» характера – о месте России в отношениях с Западом и Востоком, влиянии географического фактора на развитие социума, роли рек и водных массивов, характере климата и его влиянии на социальную психологию и хозяйственную этику населения страны. В ряде работ, посвященных частным вопросам, рассматриваются механизмы функционирования религиозных культур, правовых норм и проч., с точки зрения воздействия на развитие народов и этносов, в частности, в отдельных регионах страны; политические слухи в России раннего Нового времени, вопросы регионалистики и краеведения в современной российской историографии¹². Ряд фундаментальных проблем (соотношения собственности и власти, поместно-вотчинной системы, формирования боярской аристократии, модернизации и европеизации России в Новое и Новейшее время) призваны отразить особенности социальных процессов в России по сравнению с Европой и Азией. Постановка этих вопросов связана с обращением к основным представителям русской дореволюционной литературы. Позиции авторов в этом смысле продолжают основные дебаты классической русской историографии – западников и славянофилов, марксистов и народников, сторонников государственной школы и евразийцев, современных сторонников модернизации и почвенников.

Возникает общая проблема: как преодолеть дискуссии между исследователями разных стран, где каждая сторона опирается на привычные историографические конструкции и иногда не слышит оппонентов. Это возможно, как справедливо считают авторы, лишь по линии совершенствования категориального аппарата и расширения доказательной базы. Данной цели служат дебаты об основных тенденциях и процессах российской истории – крещении Руси, влиянии татарского ига, реформах Петра Великого, феодализме, которые способствуют сопоставлению различных историогра-

фических традиций и терминов. Хотя принципиально новых парадигм, объясняющих русский исторический процесс или его особенности, не предложено, авторы смело обращаются к сравнительным параллелям, типологии реформ (одни ориентированы на прошлое, другие – на будущее) и противопоставлению реформаторов-архаистов и реформаторов-новаторов, анализу основных идеологем русской истории. В целом представлено полезное переосмысление классических теорий и школ, осуществляется освоение этого наследия венгерской русистикой. Эти подходы чрезвычайно актуальны при обращении к проблемам новейшей истории, в том числе тем, которые длительное время становились объектом политизированных оценок¹³.

Специального внимания заслуживает сборник статей директора Центра русистики Будапештского университета Д. Свака «Русская парадигма», посвященный сходной проблематике. Автор решительно отрицает новейшие феноменологические теории, разделяет скептицизм в отношении модернизации по западному образцу и ценность реформ Петра Великого, подвергает критическому анализу современную русистику, вообще выступает против рискованных социологических обобщений в изучении исторического процесса. С этих позиций Свак полемизирует с предложенной автором этих строк концепцией русского абсолютизма, выдвигающей на первый план такие факторы, как рационализация, модернизация и европеизация государственного строя Нового времени, следствием которых становились централизация, бюрократизация и милитаризация России в условиях растущей глобальной конкуренции великих держав. Автор, впрочем, не отрицает существования указанных тенденций, выражающихся в унификации социальных структур, их поляризации и усилении взаимодействия в рамках того, что он именуется «так называемой» модернизацией Петра I.

Хотя венгерский ученый выдвигает лестное сравнение своего подхода с концепцией феодализма Н.П. Павлова-Сильванского, его не оставляют сомнения в правомерности абстрактно-рационалистических и сравнительных схем в истории, нивелирующих, по его мнению, индивидуальные и специфические черты исторического процесса и, в то же время, не отражающие возможности срывов в процессе реформ, роли фактора личности в истории и т.п. С позиций формальной логики выдвинутые им положения кажутся «противоречием в определении»: настоящие концепции могут быть только абстрактными (или они не являются концепциями), а рациональным объяснениям противостоят только иррациональные. Данная критика, однако, могла бы быть более убедительной в случае предложения автором альтернативных концепций или терминов, но дело сводится к апологии традиции нарративизма и исторического позитивизма, разнovidностью которого в историографии двух стран ранее выступал исторический материализм.

Что же предлагается в качестве объясняющей схемы? Стремясь определить место России в историческом процессе, Свак использует социологическую формулу Плеханова об «относительном своеобразии» российской истории: «То приближаясь к Европе, то отдаляясь от нее, Россия представляет собой особый вариант развития в Европе и даже в Восточной Европе, если сравнить ее с ранее ускорившими свое развитие странами Центрально-Восточной Европы. В соответствии с этим историческое развитие средневековой России и России раннего Нового времени в формационном аспекте может быть описано как феодальное, однако в таком его варианте, когда процесс феодализации замораживается на стадии становления и отклоняется в сравнении с развитием т.н. западноевропейского “феодализма”»¹⁴. Эта идея «замороженного феодализма» помогает автору объяснить другие особенности русского исторического процесса и его отличия от западноевропейского вплоть до современности, но приводит в конечном счете к славянофильскому тезису о «непреодолимой двойственности европейских мечтаний и реальности русской почвы».

Острота спора в рамках марксистской парадигмы была, несомненно, связана с влиянием идеологических причин: узкое или широкое понимание таких концептуальных обобщений как «феодализм» или «империализм», не говоря об «азиатском способе производства», непосредственно связывалось с анализом предпосылок револю-

ции (или их отсутствием), а понятие «абсолютизма» вообще касалось интерпретации российской государственности, выяснением ее деспотической роли в советский период и ее способности к эволюции в направлении правового государства современного типа. Автор прекрасно знает эти дискуссии, суммирует их результаты в ряде очерков, предлагает собственную версию их историографического значения. Выход из догматического противопоставления жестких и мягких трактовок идеологизированных конструкций прошлого он усматривает в их синтезе, возможном, как он полагает, с позиций классических методов традиционной европейской (немецкой, австро-венгерской и российской) историографии.

Этот компромиссный подход позволяет Сваку встать над острой полемикой по таким ключевым понятиям как «феодализм», «капитализм», «абсолютизм», а возможно, и «социализм», имевшей место в российской и интернациональной историографии, и попытаться совместить противоположные точки зрения: он подчеркивает преемственность исторического развития (а не его разрывы); говорит о соотношении идей и реальности (исходя из молчаливого постулирования большей значимости последней субстанции перед первой); высказывает убеждение в существовании разных типов реформ, одни из которых соответствуют этой реальности, в то время как другие – отторгают ее, становясь менее жизнеспособными. Все эти наблюдения во многом верны, иногда парадоксальны, а иногда производят впечатление ложной многозначительности. Последнее относится, в частности, к апологии реформ, соответствующих исторической традиции и в идеале вообще ничего не изменяющих в ней: можно ли в таком случае считать их реформами? Остается не вполне ясно, какие крупные преобразования в истории Австро-Венгрии (богатой умеренными реформами, не обеспечившими, однако, сохранения империи) или России (с ее «революциями сверху») можно было бы отнести к подобному типу: ясно, что к ним не относятся реформы Петра Великого и Столыпина, но в этих категориях трудно было бы интерпретировать и Великую реформу 1861 г., уничтожившую такой фундаментальный институт как крепостное право или даже попытки реформ Александра I, наметившие пути серьезной трансформации политического режима по европейскому образцу, не говоря о консервативной церковной реформе патриарха Никона, повлекшей драматический раскол в сознании населения¹⁵.

Возможно, скептицизм автора в отношении модернизации и европеизации навеян современными политическими процессами в Венгрии, постсоветское развитие которой в условиях евроинтеграции и последующего экономического спада оказалось далеко от гармоничной картины, которую рисовали идеологи данного процесса в начале перемены 1990-х гг. Очевидно, что анализ именно этой «реальности» заставляет автора с сомнением отнестись к идеологически детерминированным преобразованиям и попыткам осуществить их на практике, не считаясь с длительной исторической традицией. Автор убежден, что эта традиция рано или поздно даст о себе знать, причем в форме, не всегда благоприятной для сохранения либеральной демократии. Но стоит ли в таком случае беречь и культивировать те традиции, которые не соответствуют новым идеалам и теряют смысл с течением времени?

Преодоление культурных и историографических стереотипов во внутренней и внешней политике – задача науки и политической практики. Этот подход, считает Свак, должен стать основой преодоления изоляционизма Венгрии в современном мире – поиска позиции лавирования этой страны между Западом и Востоком. «От нас зависит, – обращается он к венгерской политической элите, – какую пользу мы можем извлечь из этого положения», использовать «посреднический потенциал», «научиться искусству лавирования между различными империями»¹⁶. На этом пути, полагает он, возможно сохранить в дипломатии «определенную последовательность», несмотря на затянувшееся «качание на качелях» (противоречивая позиция страны по таким темам как Косово и Афганистан). Политика лавирования между великими державами означает трезвый расчет и отказ от механического следования ложным стереотипам исторического сознания. Важной стороной этого критического анализа становится обращение к соци-

альной психологии, исторически обусловленным формам и стереотипам сознания населения, которые, с одной стороны, определяют его поведение в критические периоды истории, с другой, имеют огромный инерционный потенциал, неоднократно усиливаясь в результате их тиражирования современными средствами массовой информации и пропаганды.

Книга включает публицистический подзаголовок: «руссофобские заметки руссофила» и, действительно, в одной из последних статей автор стремится решить вопрос о генезисе руссофобии, истоки которой, как он считает, восходят к эпохе формирования наций в Европе и стремлению иностранных наблюдателей объяснить непривычные черты чужой культуры. Он дает следующее определение руссофобии: «Совокупность управляемых политическими и властными интересами стереотипов, представляющих все русское в отрицательном свете»¹⁷. Наряду с другими фобиями, имевшими место в истории (юдофобия, германофобия, туркофобия, венгерофобия и проч.), – данный феномен выражает примитивные стереотипы сознания, носители которых озабочены поиском врага как способом самоутверждения в меняющемся мире. Анализ данных стереотипов (как, впрочем, и их противоположности в виде подчеркнутой любви к определенным нациям – «филий») составляет предмет особого направления современной историографии – истории общественного сознания и смены его ценностных приоритетов (аксиологический аспект исторического восприятия).

Интересно, однако, каков должен быть метод этого исследования, т.е. каким образом вообще возможно изучать проявление национальной ненависти и любви к другим народам, если, конечно, не сводить дело к текущим социологическим опросам по отдельным сюжетам исторической памяти. Историко-антропологические исследования в данной области не избежали влияния фрейдистской социальной психологии, выявляя, в частности, различные комплексы национального сознания, отклонения в сторону параноидальных страхов и фобий, воспроизводство известных стереотипов и их длительное и вполне автономное существование в истории. Но этот подход содержит известный метафизический подтекст, заставляющий поставить под вопрос ряд используемых в историко-публицистической литературе понятий: возможно ли, например, говорить о «национальном характере» как стабильной исторической данности; в какой мере представления народов друг о друге остаются неизменными в истории; какие факторы влияют на изменение стереотипов – психологические комплексы наций или установки отдельных доминирующих социальных слоев и элит. Возможно ли использование в этом контексте таких психологических категорий, которые уместны при описании чувств мужчины к женщине – любовь, ненависть, страх, ревность и т.п. Как анализировать смену этих состояний в национальном сознании или пограничные состояния («любовь – ненависть»).

Сама постановка этих вопросов выявляет их дискуссионность. Можно ли, например, вместе с рядом современных авторов всерьез говорить об осознании «вины» и «ответственности» у одних народов по отношению к другим или их чувстве «ревности» (например, тех, которые не создали собственных империй, к тем, которые их создали)? Если можно, то какова должна быть доказательная основа этих исторических исследований и их источниковая база (помимо обращения к публицистическим и литературным штампам предшествующих эпох или столь субъективным источникам как записки иностранных путешественников). Если не дать ответы на эти вопросы, мы рискуем остаться на позиции исторической метафизики XVIII–XIX вв. (сыгравшей не последнюю роль в подготовке войн XX в.), что в свою очередь может привести к трансформации устаревших исторических эмоций в современные историографические фобии. Размышления автора по этим вопросам чрезвычайно информативны, но он скорее ставит эти сложные вопросы, чем предлагает методологические решения. Заслуживает поддержки формулируемая этическая позиция: историк, конечно, имеет право научно изучать антирусские источники, как и всякие другие, но должен избегать опасности их использования для достижения политических целей – решения проблем экономической и властной конкуренции на современном этапе. В противном случае старые

стереотипы обретают новую жизнь, попадая в «бермудский треугольник» – «власть – масс-медиа – общественное мнение» и превращаясь в инструмент антинациональной политики.

В заключение отметим важность наблюдений автора о состоянии русских исследований в мире и месте венгерской историографии в них: «Русистика как наука, – подчеркивает Свак, – глобализирована. И все же я думаю, что нам стоит отыскать свое место между европейской и американской, т.е. нерусскоязычной русистикой, с одной стороны, и российской, т.е. русскоязычной – с другой»¹⁸. Это непростая задача, но она, безусловно, заслуживает поддержки со стороны российских ученых.

Рассмотренные книги интересны тем, как венгерские ученые видят происходящие в историографии процессы и стремятся осмыслить их с независимых позиций. Эта группа исследователей, группирующихся вокруг Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша, зарекомендовала себя влиятельными и оригинальными трудами по русской истории и политике. В их оценках не со всем можно согласиться, в частности с известной романтической идеализацией мифов и политических процессов (как позитивных, так и негативных), происходящих в России, в отношении которых мы сами могли бы высказаться гораздо более критически.

Однако в публикациях Центра представлен особый подход, отличный как от западной, так и российской историографии, и, что особенно важно – отличный от историографии ряда других постсоветских стран Центральной и Восточной Европы, продолжающей вращаться в кругу старых схем и обид. Можно констатировать, что этот подход ищет основу реалистичной оценки исторических явлений, преодоления национальных конфликтов, способствует взаимному пониманию исследователей разных стран, стимулирует мысль и заставляет искать новые и нестандартные объяснения исторического прошлого.

**А.Н. Медушевский, доктор философских наук
(Институт российской истории РАН)**

Примечания

¹ Медушевский А.Н. Восточная Европа и Россия: через 20 лет после падения Берлинской стены // Российская история. 2010. № 5. С. 110–118.

² Образ России с центральноевропейским акцентом. Будапешт, 2010.

³ Место России в Европе и Азии. Будапешт; М., 2010.

⁴ Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе. Будапешт, 2009.

⁵ Свак Д. Русская парадигма. Русофобские заметки русофила. СПб., 2010.

⁶ Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности // Образ России с центральноевропейским акцентом. С. 86–102.

⁷ Силады А. Центральная Европа глазами Восточной Европы // Там же. С. 139–154.

⁸ Биро З. Вернется ли Россия в Центрально-Восточную Европу? // Там же. С. 73–86.

⁹ Свак Д. Россия и ее имидж // Там же. С. 13.

¹⁰ Образ России с Центральноевропейским акцентом: к материалам симпозиума Центра русистики Будапештского университета им. Л. Этвеша // Образ России с центральноевропейским акцентом. С. 57–169.

¹¹ Место России в Европе и Азии.

¹² См. также: Региональные школы русской историографии. Будапешт, 2007.

¹³ Восточный блок и Советско-венгерские отношения. 1945–1989. СПб., 2010.

¹⁴ Свак Д. Русская парадигма... С. 15.

¹⁵ См., например: Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до заката. М., 2006.

¹⁶ Свак Д. Русская парадигма... С. 138, 152.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 171.